

Часть первая

**ПРИЗРАКИ
и СУДЬБЫ**

ФРОСИНА БАБУШКА

Старуха теперь лишь хрипела. Ничего не говорила и не бранилась. Даже бред, последняя капля искаженного сознания, окончательно иссяк в ее пересохшем горле. Старуха лежала, зарывшись в одеяла и платки на горячей, хорошо натопленной печи, но ее все равно колотил озноб.

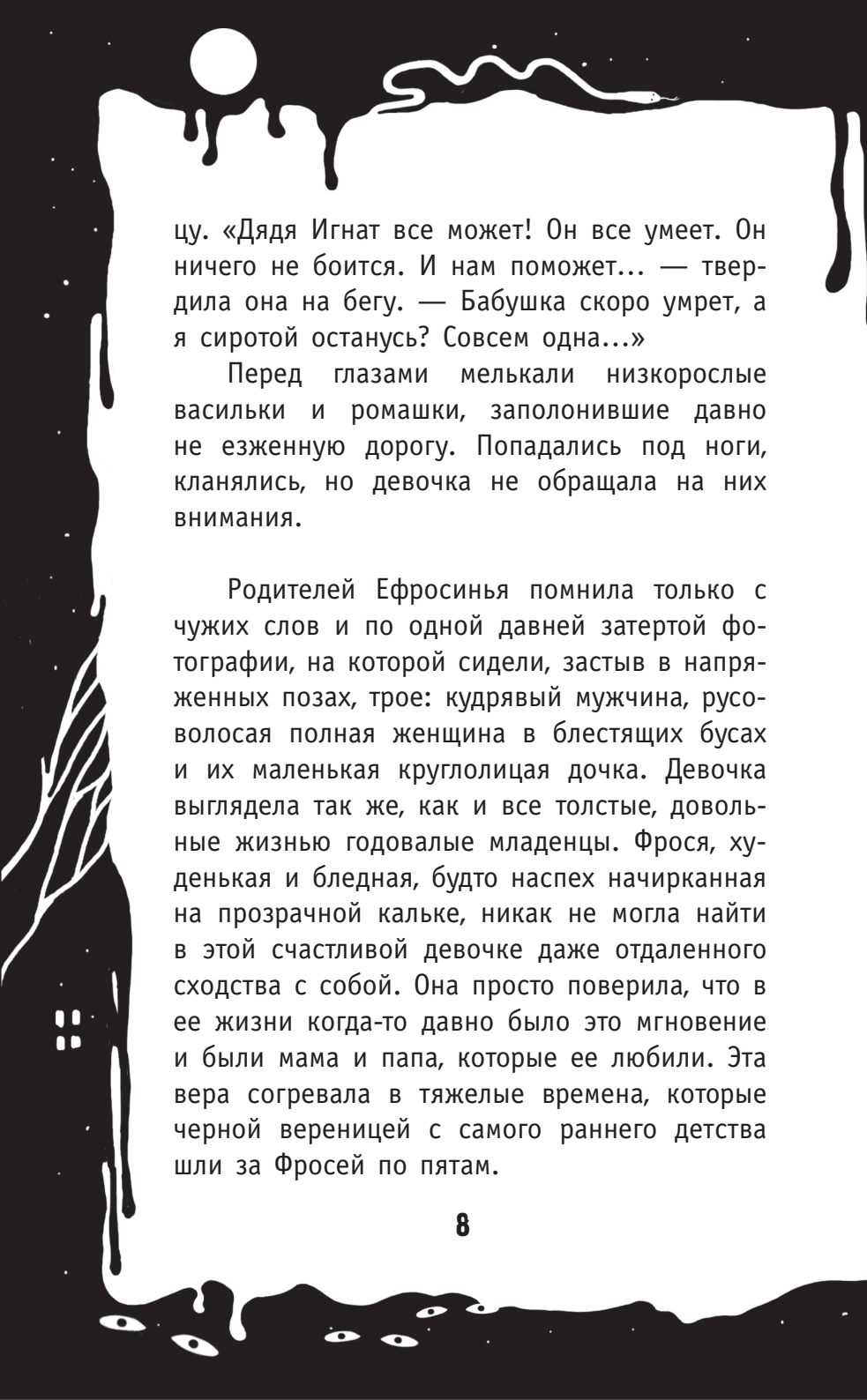
Девочка вытащила из жаркого жерла тяжелый чугунок и налила кипяток в глиняную чашку.

— Бабушка, возьмите чайку. Горячий... Обогреетесь, — предложила Фрося, встав на скамейку и заглянув на печь.

Старуха не ответила.

— Бабушка, я сейчас за дядей Игнатом сбегаю. Потерпите, я мигом... — испуганно прошептала девочка, увидев ее черное морщинистое лицо, искаженное то ли судорогой, то ли невысказанной злобой.

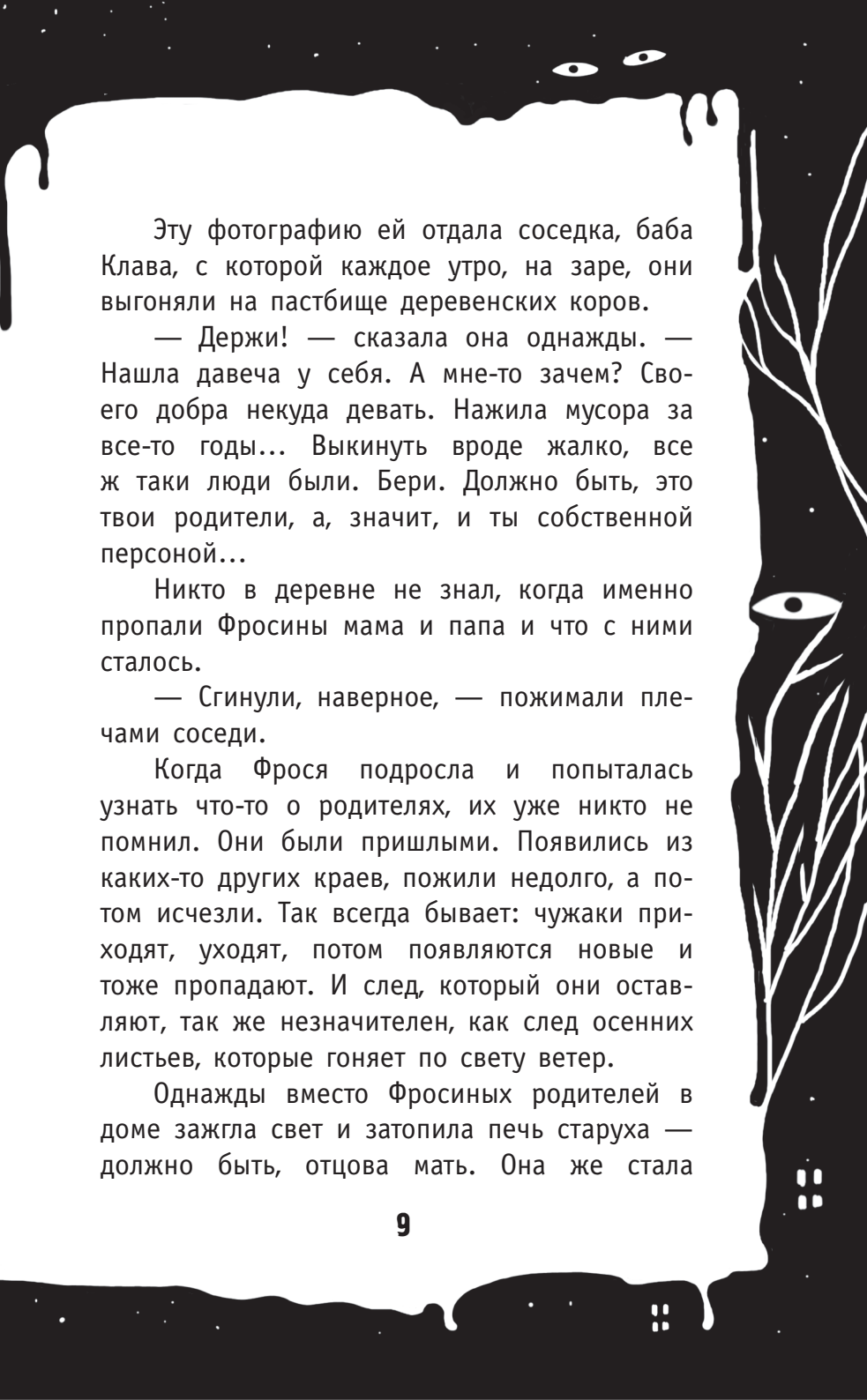
Фрося торопливо соскочила на пол и, прикрыв за собой дверь, выбежала на ули-

цу. «Дядя Игнат все может! Он все умеет. Он ничего не боится. И нам поможет... — твердила она на бегу. — Бабушка скоро умрет, а я сиротой останусь? Совсем одна...»

Перед глазами мелькали низкорослые васильки и ромашки, заполонившие давно не еженную дорогу. Попадались под ноги, кланялись, но девочка не обращала на них внимания.

Родителей Ефросинья помнила только с чужих слов и по одной давней затертой фотографии, на которой сидели, застыв в напряженных позах, трое: кудрявый мужчина, русоволосая полная женщина в блестящих бусах и их маленькая круглолицая дочка. Девочка выглядела так же, как и все толстые, довольные жизнью годовалые младенцы. Фрося, худенькая и бледная, будто наспех начирканная на прозрачной кальке, никак не могла найти в этой счастливой девочке даже отдаленного сходства с собой. Она просто поверила, что в ее жизни когда-то давно было это мгновение и были мама и папа, которые ее любили. Эта вера согревала в тяжелые времена, которые черной вереницей с самого раннего детства шли за Фросей по пятам.

Эту фотографию ей отдала соседка, баба Клава, с которой каждое утро, на заре, они выгоняли на пастбище деревенских коров.

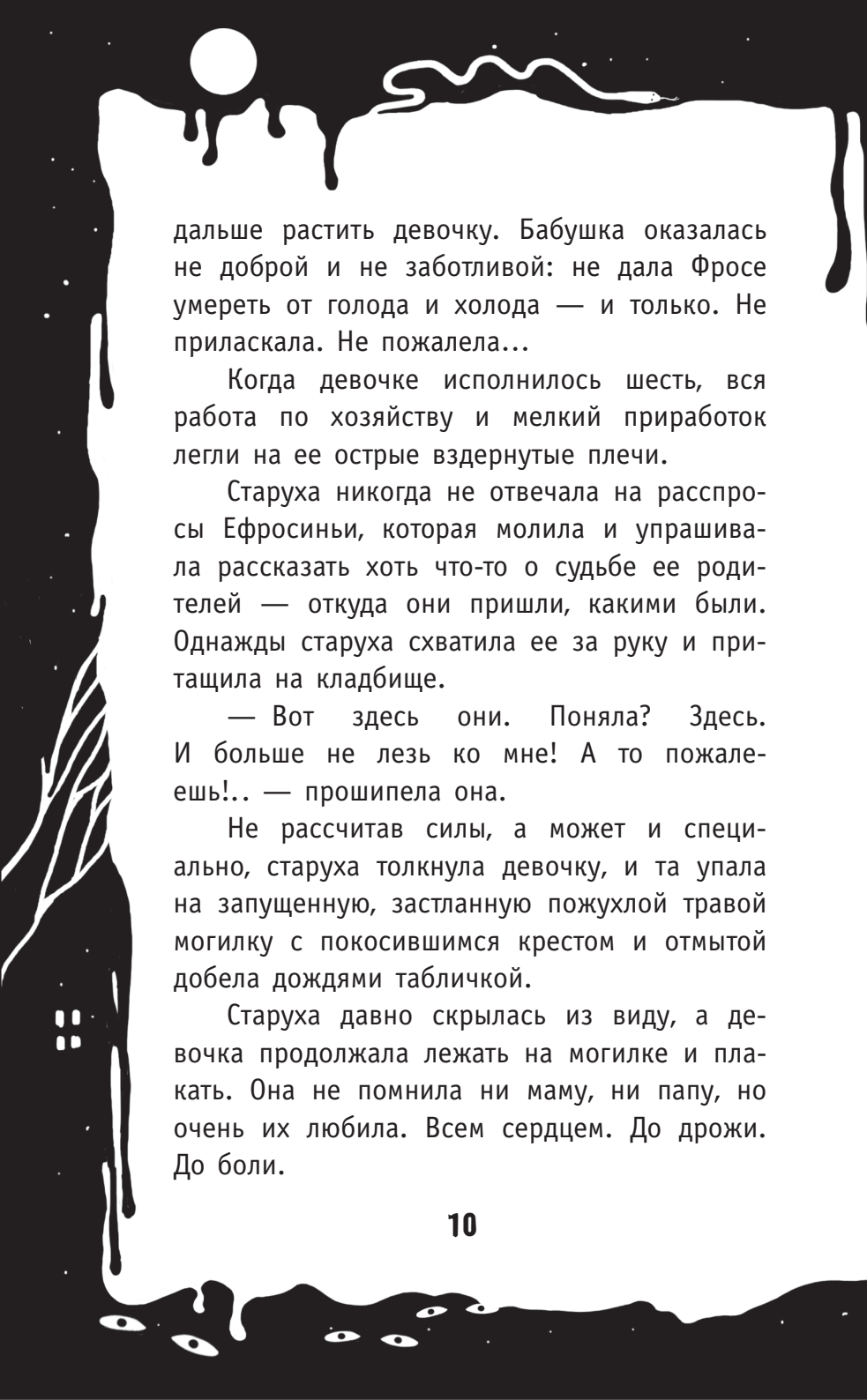
— Держи! — сказала она однажды. — Нашла давеча у себя. А мне-то зачем? Своего добра некуда девать. Нажила мусора за все-то годы... Выкинуть вроде жалко, все ж таки люди были. Бери. Должно быть, это твои родители, а, значит, и ты собственной персоной...

Никто в деревне не знал, когда именно пропали Фросины мама и папа и что с ними случилось.

— Сгинули, наверное, — пожимали плечами соседи.

Когда Фрося подросла и попыталась узнать что-то о родителях, их уже никто не помнил. Они были пришлыми. Появились из каких-то других краев, пожили недолго, а потом исчезли. Так всегда бывает: чужаки приходят, уходят, потом появляются новые и тоже пропадают. И след, который они оставляют, так же незначителен, как след осенних листьев, которые гоняет по свету ветер.

Однажды вместо Фросиных родителей в доме зажгла свет и затопила печь старуха — должно быть, отцова мать. Она же стала

дальше растить девочку. Бабушка оказалась не доброй и не заботливой: не дала Фресе умереть от голода и холода — и только. Не приласкала. Не пожалела...

Когда девочке исполнилось шесть, вся работа по хозяйству и мелкий приработок легли на ее острые вздернутые плечи.

Старуха никогда не отвечала на расспросы Ефросиньи, которая молила и упрашивала рассказать хоть что-то о судьбе ее родителей — откуда они пришли, какими были. Однажды старуха схватила ее за руку и притащила на кладбище.

— Вот здесь они. Поняла? Здесь. И больше не лезь ко мне! А то пожалеешь!.. — прошипела она.

Не рассчитав силы, а может и специально, старуха толкнула девочку, и та упала на запущенную, застланную пожухлой травой могилку с покосившимся крестом и отмытой добела дождями табличкой.

Старуха давно скрылась из виду, а девочка продолжала лежать на могилке и плакать. Она не помнила ни маму, ни папу, но очень их любила. Всем сердцем. До дрожи. До боли.

Больше любить ей было некого.

С тех пор Фрося никогда ничего не спрашивала у бабушки, но каждую свободную минуту проводила на могилке родителей. Попробовала крест, как смогла, прибралась, посадила лесные цветы.

Старуха больше на кладбище не показывалась. Ни разу. Вскоре она захворала, а потом и вовсе слегла. Поначалу все больше ругалась, винила в болезни Фросю. «Лучше было тебя, крысеныша, утопить, чем так бездарно лишиться жизни...» — зло шипела она с печи.

Потом забредила и чем дальше, тем хуже, а когда слова все закончились, захрипела голый ненавистью — так, что и подойти лишней раз было страшно. Особенно ночью... Особенно, когда в окошко заглядывало бледное лицо луны.

«Неужели она и правда когда-то дала жизнь моему отцу? — с грустью думала Фрося, с головой прячась под одеяло от холодной страшной ночи и от своей единственной родственницы. — А вдруг папа был таким же?.. Чужим, злым, черствым... Нет! Не может быть! Он был хорошим! Очень хорошим!!!» — Сердце девочки сразу вступилось

за человека, которого любило, несмотря на давнюю разлуку и плотный, черный занавес забвения.

Огромное любящее сердце Фроси согревало ее маленький мир, едва сокрытый от посторонних глаз тонкой человеческой оболочкой.

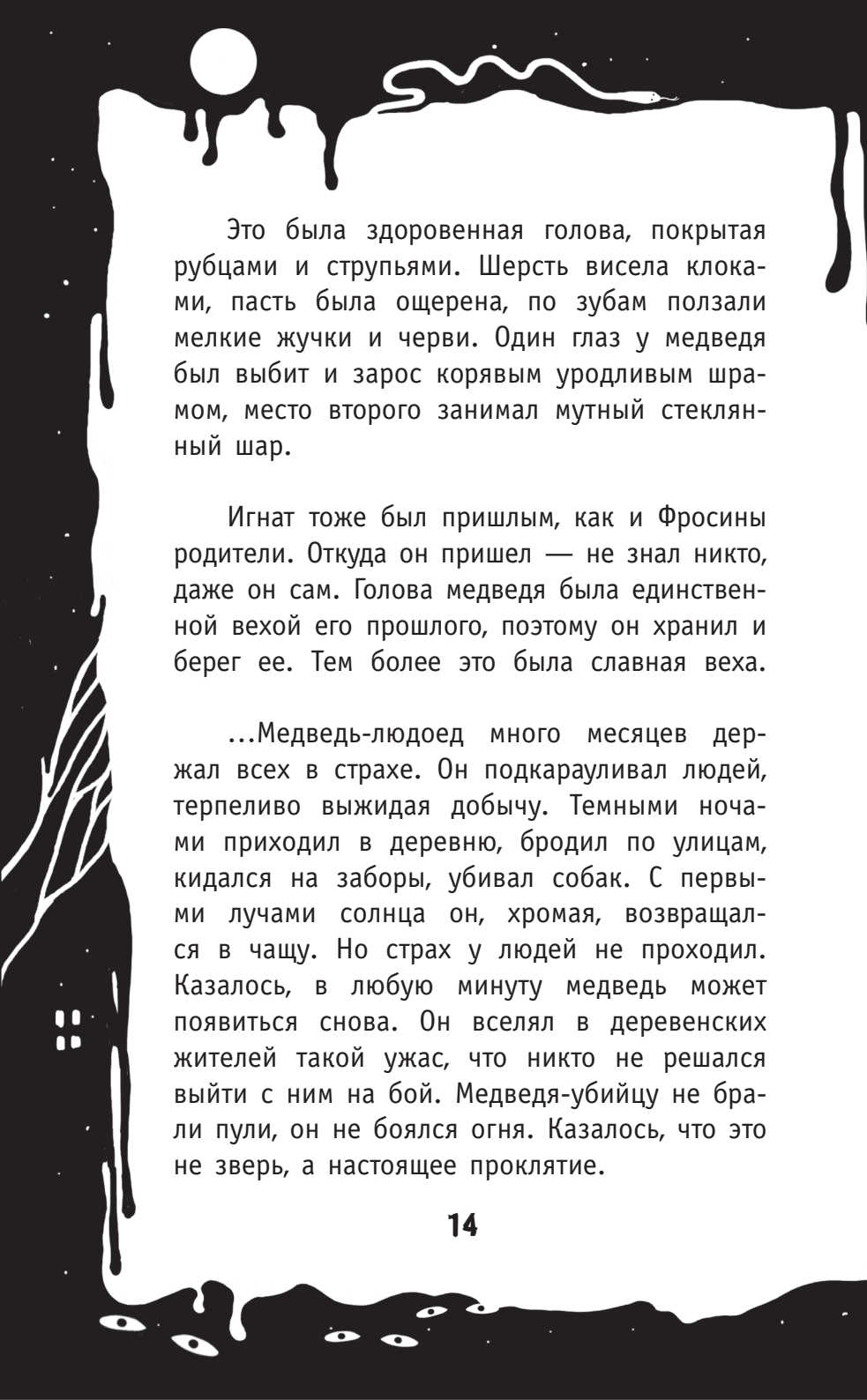
СХВАТКА С МЕДВЕДЕМ

Игнат жил на хуторе у самого леса. В небольшой избе, возле которой заканчивалась деревенская дорога.

Он не растил огород и не засеивал поля, весь участок возле дома зарос полевыми душистыми травами, вместо сада шелестели осины и клены. В этой запущенности было что-то дикое, буйное, свободное.

Фрося любила бывать в гостях у дяди Игната, пить чай с диким медом, слушать длинные сказочные истории, которые он рассказывал умело и с удовольствием. Игнату нравилось, что возле него всегда вьется деревенская детвора, и никогда не жалел для ребят ни времени, ни чаю.

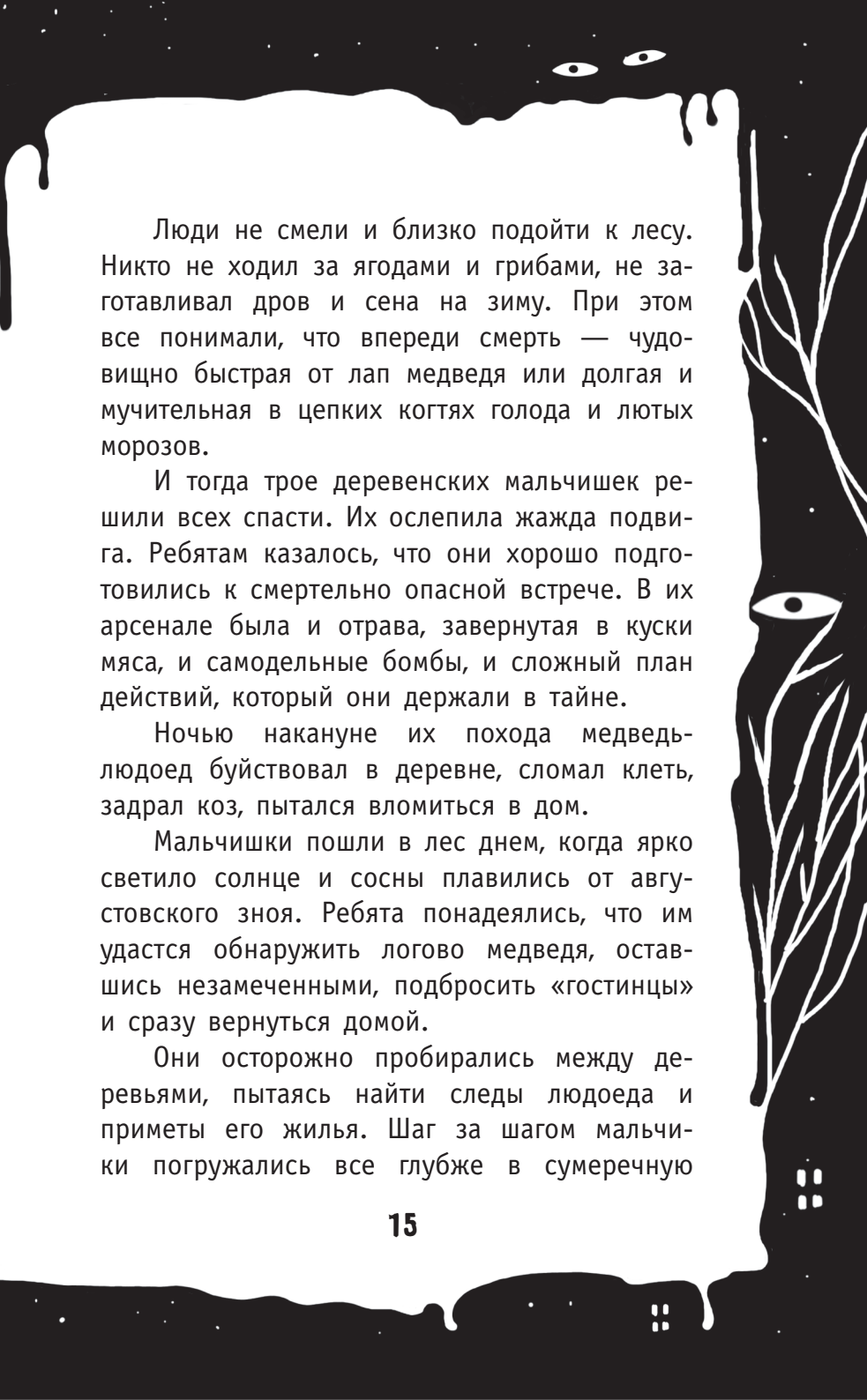
Единственное, что всегда пугало — это голова медведя, насаженная на высокий кол, вкопанный возле крыльца его дома. Фросе было так страшно на нее смотреть, что даже руки начинали дрожать и отниматься.

Это была здоровенная голова, покрытая рубцами и струпьями. Шерсть висела клоками, пасть была ощерена, по зубам ползали мелкие жучки и черви. Один глаз у медведя был выбит и зарос корявым уродливым шрамом, место второго занимал мутный стеклянный шар.

Игнат тоже был пришлым, как и Фросины родители. Откуда он пришел — не знал никто, даже он сам. Голова медведя была единственной вехой его прошлого, поэтому он хранил и берег ее. Тем более это была славная вежа.

...Медведь-людоед много месяцев держал всех в страхе. Он подкарауливал людей, терпеливо выжидая добычу. Темными ночами приходил в деревню, бродил по улицам, кидался на заборы, убивал собак. С первыми лучами солнца он, хромя, возвращался в чащу. Но страх у людей не проходил. Казалось, в любую минуту медведь может появиться снова. Он вселял в деревенских жителей такой ужас, что никто не решался выйти с ним на бой. Медведя-убийцу не брали пули, он не боялся огня. Казалось, что это не зверь, а настоящее проклятие.

Люди не смели и близко подойти к лесу. Никто не ходил за ягодами и грибами, не заготавливал дров и сена на зиму. При этом все понимали, что впереди смерть — чудовищно быстрая от лап медведя или долгая и мучительная в цепких когтях голода и лютых морозов.

И тогда трое деревенских мальчишек решили всех спасти. Их ослепила жажда подвига. Ребятам казалось, что они хорошо подготовились к смертельно опасной встрече. В их арсенале была и отрава, завернутая в куски мяса, и самодельные бомбы, и сложный план действий, который они держали в тайне.

Ночью накануне их похода медведь-людоед буйствовал в деревне, сломал клеть, задрал коз, пытался вломиться в дом.

Мальчишки пошли в лес днем, когда ярко светило солнце и сосны плавилась от августовского зноя. Ребята понадеялись, что им удастся обнаружить логово медведя, оставшись незамеченными, подбросить «гостинцы» и сразу вернуться домой.

Они осторожно пробирались между деревьями, пытаясь найти следы людоеда и приметы его жилья. Шаг за шагом мальчишки погружались все глубже в сумеречную